

* * *

Она всего лишь руку убрала,
Когда он невзначай её коснулся.
Он пересел за краешек стола...
Налил фужер... Печально
улыбнулся.

Она в ответ не выдала ничуть,
Что прикасанье обожгло ей
кожу.
Сказала тихо: «Поздно...
Как-нибудь
Увидимся... Я вас не
потревожу...»

И поднялась... Напрасных
мыслей рой
Пульсировал артерией сонной.
Ушёл он... С обожжённою
душой...
Ушла она... С рукою
обожжённой...

* * *

Подошла, расхристана, по
стуже,
Будто не страшася стуж,

Ни молвы, ни Господа, ни
мужа,
Руку протянула: «Ты — мне
муж...»

Ложь — рука... Ведь знал —
презрев истому,
Отшвырнёт, обрубит эту связь.
И уйдёт спокойненько
к другому,
Ни меня, ни Бога не боясь...

* * *

T. Ж.

Мокрый снег... Неладное в
природе.
Стынет в лужах рухнувшая
высь.
А по снегу женщина уходит...
Вслед гляжу: «Хотя бы
оглянись!...»

А она спешит... Коленки гнутся...
Шепчет у прохожих на виду:
«Только бы сейчас не
оглянуться —
Если оглянусь, то не уйду...»

МОЛИТВА

Любимой

Я такой же, Господи, среди
всех...
Помоги мне, Господи, хоть и
грех!
Помоги мне, Господи,
согрешить,
Помоги по-божески не прожить.

Чтобы стали други ко мне глухи,
Чтобы после прокляли за грехи...
Но пока, о Господи, но пока
Доведи, о Господи, до греха.
Чтобы жгли в аду меня злым
огнём,

Но потом, о Господи, но потом...

* * *

Ничего не попишешь — такая
досталась:
В одиноких зрачках золотится
усталость.
Сиротливые губы сжимая
двулуко,
Всё глядит... И не вымолвит
больше ни звука.
Осторожные руки спокойны до
дрожки,
До биения вен под мерцающей
кожей...
Кто ты?.. Ева... Офелия... Боль...
Эвридика?
Или гулкая тишина после долгого
крика?..
Божий дар?.. Или всё-таки
божья немилость?
Или просто слеза, что в слезе
отразилась?..

* * *

Когда подходишь — тихо,
осторожно,
Всё остальное — призрачно и
ложно.
Есть только эти вздрогнувшие
пальцы
И белых плеч шальная белизна.
Непониманье — это что?..
Откуда

Такое неожиданное чудо?..
Что суждено, то сбудется,
конечно...
И в этот миг лишь ты мне
суждена.

Мгновенен миг... Молю его
продлиться.
Пусть это платье медленно
струится,
Вдоль тела ослепительно
сползая,
И пенится смущённо на ковре...
Пусть остывает позабытый
завтрак...
День пролетит... Двенадцатое
завтра...
Неужто же двенадцатое —
завтра?..
Зачем оно мне в этом январе?

Умчит такси... Тебя... Мою...
Такую...
Я поцелую след от поцелуя
На много страсти помнящей
подушке...
И снова поцелую этот след...
Лишь комната останется со
мною...
Здесь боль живёт... Здесь пахнет
тишиною.
И вымытые стёкла так
прозрачны,
Как будто стёкол в окнах вовсе
нет.

Притушен свет... Час ночи...
Пусто в доме.
Но силуэт твой чудится в
проёме.
Ни голоса... Ни шёпота... Ни
звука —
Один лишь златоглазый силуэт.

И я к нему протягиша руку...
О, Господи, продли мне эту
муку! —
Ловить твоё тревожное дыханье
И знать, что своего дыханья
нет...

* * *

*Я умер в последний день лета...
Вяч. Кузнецов*

Стою у шоссе... Голосую...
Напрасно махаю рукой.
И образ твой в сердце несу я,
А сердцу пора на покой.

Но всё же тобою согрето
Оно в череде неудач.
Я умер в последний день лета...
Сумеешь? — тихонько заплачь...

Да так, чтоб не поняли люди,
Что эта слезинка — по мне...
Тогда пересудов не будет —
Зачем тебе лихо вдвойне?

Зачем тебе злые наветы? —
Мы — врозь... И останемся
врозь.

Я умер в последний день лета...
Захочешь, косынку набрось.

С тобою мы не были парой,
И в выборе ты не вольна.
Запой же... И пусть у гитары
Внезапно порвётся струна.

Пусть песня, печалью согрета,
Тихонько парит в вышине.
Я умер в последний день лета...
Но песня чуток обо мне.

* * *

Научусь любить издалека —
Чтобы Он не знал, жена не
знала...
Чтобы непослушная рука
Непослушных строчек не
писала.

Чтоб друг друга еле узнавать
В пыльной суете библиотеки,
Чтобы осторожности печать
Пятаком придавливалась веки.

Чтобы и странички — не подряд,
Не подряд — снежинок
Ликованье.
Чтоб не выдал жест, не выдал
Взгляд,
Чтобы вдруг не выдало
Дыханье...

Научусь... Пусть воют провода,
Воет ночь, безлюбию в угоду.
И летит угрюмая звезда —
Снизу вверх летит по
небосводу...

Забываю тебя забыть...
И страшусь, презирая страх,
Что души моей волчья съть
Станет выть на семи ветрах.
Что не сгорблюсь... Не попрошу,
Чтобы стала тропой — стезя...
Что опять я тебе скажу
То, чего говорить нельзя.
Что безлюбый любовный хруст
Взмоет выше щербатых стрех,
Что от милых и грешных уст
Будет в памяти только грех...

Что всё мнимо = ни деш...

ни тел...

Что хулу разнесёт молва...
Я о чём-то сказать хотел...
Совершенно забыл слова...

* * *

Зябко... В углу дивана
Вновь прижилась тоска.
Въётся немного странно
Музыка у виска.

Я не могу по звуку
Определить... Шопен?..
Мне бы в шальную руку
Гамму твоих колен...

Чтоб на подушке смятой
Нас целовал Христос...
Мне бы сейчас сонату
Дерзких твоих волос.

Чтобы и в миг печали,
Горечь испив до дна,
Губы твои звучали —
Гулкие, как струна.

Нету струны... Твой голос
Душу взрезает мне.
...Тоненький женский волос
Вьётся по простыне...

* * *

Черта... Забвения печать
В просторе пегом...
Исчезнуть?.. Или снегом
стать?..
Я стану снегом!

Чтоб выюга закружила всласть
Под ветер грубый.
Хочу снежинкою упасть
Тебе на губы.

Чтобы, хмеляя без вина,
Не сняв косынку,
Ты удивилась — солона
Одна снежинка...

То просто вымолив себе
Твою простуду,
Я буду таять на губе,
Я таять буду...

* * *

И ночи осталась третья,
И что-то в душе ломается...
На фото твоё глядеть,
И хворью твою маяться...

Страданья твои принять,
Почувствовав зябкой кожею
Волос озорную прядь,
На прядку твою похожую.

Пусть делятся на двоих
Все истины мира бренного —
От шариков кровяных
До вдоха одновременного.

До мыслей мгновенных... Иль
До божьего — в душах — голоса.
И пусть золотая пыль
Струится тебе на волосы.

Они уже золоты...
Они обожгут, наверное.
Гитара... И я... И ты...
И что-то ещё... Безмерное...

* * *

Если тело забудет тело,
Если голос забудет голос,
Если губы забудут губы,
Если слёзы забудут слёзы...
Значит, тело запомнит губы,
Значит губы запомнят голос,
Значит, голос запомнит слёзы,
Значит, слёзы запомнит тело...

* * *

Ресторан... Рука её дрожала...
Капали слезинки на меню...
«Мой родной...» И пальчики
разжала:
«Я сейчас... Я мужу позвоню...»

Усмехнулся собственному стону:
«Браки ведь того... На небеси...»
И жене сказал по телефону:
«Я в дороге... Света не гаси...»

Попрощались: «Мой родной...
Отныне
Я слепа от счастья и тоски...»
И почти столкнулись в
магазине,
Выбирая мыло и носки...

* * *

О, эта пытка порой ночной,
Где вольность равна нулю,
Где спит любимая не со мной,
И я с нелюбимой сплю...

Закрыты двери... Беззвучен дом,
Мягка и тепла кровать.
А я всё думаю об одном —
Чтоб имя не прошептать

Своей любимой, когда сквозь сон
Вдруг плоти коснётся плоть,
Ненужной нежностью одарён,
Чтоб нужную уколоть...

Скрипят матрасы в больной ночи,
Разлукою болен дом...
Моё лишь имя не прошепчи —
Сейчас... На плече чужом...

* * *

Гоня простуду на губе,
Ты выпьешь чаю...
А я скучаю по тебе,
Опять скучаю.

Ты рассердишься: «Что опять?
Ну, что?.. Чего ты?..
Мне просто некогда скучать —
Полно работы.
Ведь я же есть в твоей судьбе...
Не понимаю...»

А я скучаю по тебе,
Опять скучаю.

Снег, покалеченный дождём,
Налип на брусья.

— Давай, — ты молвишь, —
подождём...
Чего дождусь я,
По той же стоптанной тропе
Шагая с краю?..

И я скучаю по тебе,
Опять скучаю...

* * *

Когда уходит нежность из
письма,
Раздумчивости место уступая,
Душа поймёт, что вновь она
слепая...
Когда уходит нежность из
письма.

Когда уходит ласка из письма,
И заурядным делается слово,
Душа поймёт — опять она без
кровя...
Когда уходит ласка из письма.

И только голос слышится извне,
Что вопрошаet с дрожью, чуть
не плача:
А кто это, бездомна и незряча,
С письмом в руках бредёт по
тишине?

*Дорогой Анатолий Юрьевич, поздравляем
со славным юбилеем, желаем здоровья и
творческих сил! Вы — поэт, необычайно
остро ощущающий быстротечность
жизни. Продолжайте и дальше нести
классическую лиру «сквозь сумрак
времён», свою сыновнюю любовь к Родине
и её народу!*